

ПОДРОБНЕЕ ОБ ЭМАНУИЛЕ ЛАСКЕРЕ

Я думаю, что одна из интереснейших биографий Ласкера, рассказана в книге Михаила Левидова. Но вышедшая до войны и в стране тоталитарной, где цензура и самоцензура лишала повесть свободного повествования, есть недоговоренности. И я хотел бы не только досказать биографию Великого Старца, но и заполнить некоторые лакуны, сознательно или бессознательно допущенные Левидовым.

Эмануил Ласкер, как сообщается в любом шахматном справочнике, родился 24 декабря 1868 года в городе Берлинхене (маленьком Берлине), в 80 километрах от большого Берлина. Ласкер считается немецким гроссмейстером, и это понятно, он принадлежит всецело германской культуре. Но ныне Берлинхен – городок Барлинек в Польше. И это символично, ибо фамилия Ласкер, производное от названия польского местечка Ласк. И все Ласкеры, а их было немало, евреи происходившие из одного корня. Самым знаменитым Ласкером XIX века был дядя Эмануила – Эдуард Ласкер (1829–1884), известный политический деятель и оратор, сумевший победить такую грозную силу, как прусское грюндерство, заставивший трепетать «железного» канцлера Бисмарка.

Тогда, в конце позапрошлого века, карьеры политика и шахматиста казались не равнозначными. (*Впрочем, как и сейчас.*) И писал корреспондент «Нивы», что племянник довольствуется менее громкой славой: «он предпочел, как выразился Цезарь, быть первым в деревне и отказался от первенства в политической жизни» (см.: «Нива», № 20, 1899, с. 554 «Лондонский международный турнир»). Время расставило акценты: «*Sic transit gloria mundi*» (*Так проходит земная слава*). В советских и постсоветских энциклопедиях уже не разыскать Эдуарда Ласкера, хотя на заре Октябрьской революции в России С.Г. Лозинский посвятил ему яркие страницы в увидевшей свет в 1919 году книге «Евреи Запада в борьбе за право и свободу». Много писала об Эдуарде Ласкере и еврейская пресса России (см., например: «Русский еврей», 1884, №3,4 и др.). Любимая тема её рассуждений – ортодоксальная еврейская семья, из среды которой вышел выдающийся деятель главнейших законодательных и административных реформ объединенной Германии.

Эмануил тоже родился в ортодоксальной семье, но путь, который он избрал, далеко увел его от религиозного дома.

Небезынтересно отметить, что в тени великого Ласкера-шахматиста жил бесконечно долго его однофамилец, талантливый шахматист, тоже Эдуард, как и дядя чемпиона мира, Ласкер (1885–1981). Он родился в Германии в городе Кемпене, превратившимся в польский городок Кемпно и умер в Нью-Йорке, как и Эмануил. По профессии был и крупным инженером, и международным мастером. Его знаменитая партия против Дж. Томаса, сыгранная в 1911 году с жертвой ферзя и с конвоированием черного короля через всю доску воспроизводится во всех учебниках и даже в энциклопедиях. Великий однофамилец Эм. Ласкер 1924 году именно против него сделал ничью, имея одного коня против ладьи и пешки, что до сих воспроизводится в пособиях по эндшпилю. Инженер и шахматист Эдуард Ласкер внес определенный «технический» вклад в создание электронного шахматиста.

Левидов почти ничего не говорит о личной жизни своего героя. А она в наш рациональный век порой бывает незаурядной.

Во-первых, о его старшем брате, научившем младшего играть в шахматы. Его звали Бертольд. Он тоже был мастером, и в одном из первых турниров братья разделили первое-второе места. Бертольд был для Эмануила ближайшим другом и советчиком. Женой Бертольда была великая немецкая поэтесса Эльза Ласкер-Шюллер (Else Lasker-Schüler – 1876–1945). Доставим себе удовольствие и приведем одно стихотворение поэтессы в переводе шахматиста и поэта:

Конец мира.

«Над вселенной рыдания неслись,
словно Бог – Жизнедавец почил;
и свинцовую тенью повис
призрак вечных могил.

Хочешь, вместе укроемся оба?...
Жизнь во всех затаилась сердцах,
как под крышкою гроба.

Но и там жаждой ласок палимы...
В мир стучится безумная страсть,
от которой погибнуть должны мы.»

*(Савелий Тартаковер «Антология современной немецкой поэзии»,
Берлин, из-во «Мысль», 1922, с.100)*

Страшное предвиденье будущего. Обнаженность стиха обжигает.

Бертольд Ласкер был блестящим врачом, соединяющим практику с научным исследованием. Так он изобрел прием, препятствующий созданию тромбоза. Его метод вызвал резкие возражения, но ныне его метод стал общеупотребителен. Вместе с братом Эмануил написал драму. Смерть брата в 1928 году была тяжелым ударом. Кроме него у Эмануила было две сестры – Теофилия и Амалия. О судьбе их мы знаем очень мало. Амалия имела пять детей и умерла в возрасте свыше 80 лет в 1939 году. Теофилия, артистическая натура, спасаясь от нацистов, эмигрировала в Голландию и жила у личного друга своего брата д-ра Герарда Оскама, мастера по шахматам. *(Выше мы писали о его судьбе.)* По сведениям, доставленным после войны д-ром Оскамом, Амалию депортировали в один из концлагерей, где она погибла в газовой камере в 1943 году. У нее тоже было пятеро детей. Трое остались в живых, а что случилось с двумя племянниками или племянницами чемпиона мира нам неизвестно...

На заре своей юности, играя в шахматном кафе «Кайзерхоф» в Берлине, Ласкер приобрел некоего благотворителя в лице Бамбергера, главы банкирского дома. Он существовал уже 200 лет! Яков Бамбергер – директор этого банка в конце 80-х годов XIX века, выдавал Эмануилу ежемесячную стипендию в 10 марок... Необычайность случая заключалась в том, что пройдут долгие годы, и дочь банкира Марта, станет женой Эмануила. Ей было 20 лет, и она не знала о существовании студента Ласкера. Отец Бамбергер тогда почти спас жизнь молодому гению, но никто не предполагал, что его женой станет дочь. Кажется, это был для банкира один из лучших вкладов «капитала»... А трагизм и романтизм заключался в том, что Марта была замужем за Эмилем Коном, владельцем фабрики музыкальных инструментов, и от этого брака имела дочь. Эмиль Кон страдал неизлечимой болезнью, стойко переносил свои страдания, и Марта не хотела его покинуть. Брак Эмануила и Марты состоялся по прошествии многих лет, после смерти Кона в 1911 году. На протяжении почти полувека она была верной спутницей великого шахматиста. Нелишне здесь заметить, что Марта, урожденная Бамбергер, по материнской линии приходится внучкой знаменитому композитору Джакомо Мейерберу! На одной из фотографий в журнале, издаваемым Каганом имеется фотография жены экс-чемпиона, носившая фамилию Марко. Дело в том, что она имела литературный псевдоним Лия Марко и, оказалось, что спутница жизни Ласкера была талантливой журналисткой, писательницей и поэтессой: всем этим она пожертвовала, что бы быть всегда рядом с мужем. Безусловно, любовь Эмануила и Марты Ласкеров

ров достойна пера крупного романиста! *(Любопытная деталь: Эмануил и Бертольд – два брата были женаты на поэтессах! В немецкой литературе XIX века зачитывались произведениями Игнаца-Юлиуса Ласкера (1811–1876). Он родился в Бреславле и прославился драматическими произведениями, коих сочинил множество. Писал стихи, романы и был драматургом известного берлинского Victoria-театра. Кем он приходился братьям Ласкер я не могу сказать. Но тяга братьев к драматургии, мне кажется наследственным признаком).* Уместно здесь рассказать о замечательной еврейской фамилии Бамбергов. Прадед Марты Яков Бамбергер (1724–1802) был «старшиной края» всего еврейства Германии, был «наместником интересов» всех германских евреев и другом Лессинга и Мендельсона. Приведем небольшой шахматный экспромт, прочитанный Мартой в честь победы мужа на Петербургском турнире в 1914 году на церемонии закрытия:

Я обет добровольный нарушу друзья.
Пять недель лишь о шахматах слышала я –
Лишь о пешках отсталых, неважных слонах,
О лишенных поддержки конях – скакунах.
О ладьях, поспешавших туда и сюда,
И о мате случайном (вот это беда!).
О крушеньях защит, о провале атак,
О сомненьях: «Вы правда считаете так?...»
О маэстро, которые, вдруг осмелев
Не стеснялись менять своих дам-королев.
Тут я было подумала: эти таланты
Не всегда, к сожаленью, бывают галантны.
Но решила, что волю досаде не дам:
Мне милей деревянных, игрушечных дам,
Чудаки-игроки, «джентельмены удачи» –
Их надежды, мечты и азарт их горячий.
Нарушаю сегодня молчанья обет,
Чтоб им пожелать многих лет и побед!»

Поэтесса Марта Марко,
жена Эм. Ласкера.

(Перевод выполнен поэтом Евг. Ильиным. Публикация И.З. Романова. Бюллетень центрального шахматного клуба, 1985, №3, с.7).

(Несколько слов в адрес шахматного энтузиаста, мастера эпиграмм и миниатюры. Евгения Ильича Ильина (Ройтман, 1922–1987) Он также автор нескольких книг на шахматные темы.) Мне кажется, что канвой стихотворения служит победная партия Ласкера над Капабланкой: «О маэстро, которые... не стеснялись менять своих дам-королев» – разменный вариант испанской партии...

Когда Ласкер собирался сражаться со Стейницем в матче на мировое первенство, произошел любопытный инцидент, имеющий отношение даже не к Ласкеру, а к нашим рассуждениям о причинах вызова Стейницем Чигорина на матч. Дело в том, что Чигорин не имел никаких моральных прав участвовать в матче на мировое первенство. Совершенно иное положение было у Ласкера. К этому времени Ласкер в престижных шахматных соревнованиях победил Блекберна, дважды Берда, Мизеса и других блестящих шахматистов. Но турнирные его успехи были, по мнению Стейница, недостаточны, и он предложил Ласкеру до единоборства с ним за звание чемпиона мира принять участие в международном состязании. Требование Стейница было исполнено: в Нью-Йоркском турнире претендент набрал 13 очков из 13! Стопроцентный результат долго не был перекрыт. Во всяком случае, я не знаю ни одного международного турнира с аналогичным результатом. На четыре с половиной очка Ласкер обогнал второго призера Альбина. Этот успех совершенно покорила американцев. **Напоминаем, что аналогичных требований Стейниц к Чигорину не предъявлял.** Кстати, Ласкер в высшей степени предупредительно относился к Чигорину и оставил теплые воспоминания о нем. Он считал своим долгом принять участие в Петербургском турнире 1909 года, посвященном памяти русского шахматиста. Добавлю, что Чигорин поначалу «не принял» нового чемпиона мира. В одном приватном письме Михаил Иванович соскальзывает на юдофобское зубоскальство «Осколков», обыгрывая шепелявость, якобы присущую еврею Ласкеру: «... перевод «Здравого смысла» очень плох. Понять даже иных мест нельзя. В Ласкеровском «Здравом смысле» ровно на два шиллинга и шесть пенсов здравого смысла, то есть настолько, сколько стоит книга в оригинале. Одним словом шахматный **«филошов»**. Этим все сказано». О матче Стейниц – Ласкер, он писал тому же корреспонденту: «... “Старик” играет отвратительно, относительно конечно, Стейниц весь в своих «стратегических маневрах», – все собирает по всей доске ... пыль с клеток доски, – да и Ласкер отличается. Восьмая партия – какое-то бесформенное произведение». Далее он говорит об атаке Ласкера в четвертой партии, что она вся построена на «фуфу». И даже «старик» мудрит или «трусит», правда последнее с вопросительным знаком, но, безусловно, что «Стейница засосали принципы». В общем же, конечно, Ласкер играет сильнее: внимательнее, осторожнее, обдуманнее. (*«Неизвестные письма Чигорина» – «Шахматы в СССР», М., 1967, №1, с.16-18. Публикация осуществлена А. Ю. Наркевичем.*)

Параллельно с шахматной карьерой развивалась и научная. Закончив гимназию в Берлине, в 1888 году Ласкер поступил в Геттингенский университет изучать математику, а в 1897 году в Гейдельбергском университете защитил докторскую диссертацию по философии. Наука и писательство никогда не покидали Ласкера.

Чрезвычайно мало Левидов рассказал о кризисных годах жизни Ласкера во время Первой мировой войны, когда общие тяжелые условия в значительной мере подорвали нервную систему Ласкера. В военные годы он мало играл, и к началу матча с Капабланкой оказался не только растренированным, но и, несомненно, человеком, потерявшим веру в себя. Подробно о своем состоянии сам Ласкер рассказал в книге «Мой матч с Капабланкой» (*русское издание 1925 года*).

Тем поразительнее представляется нам, как экс-чемпиону удалось восстановить свои жизненные силы. Попутно заметим, что в течение 27 лет Ласкер носил звание чемпиона мира, что является абсолютным рекордом, а по возрасту, он был старейшим чемпионом мира, защищавшим свое высокое звание (53 года). Алехин, хотя и умер непобежденным, в возрасте 54 лет, но последний матч сыграл за девять лет до смерти.

Будучи шахматным джентльменом, Ласкер согласился на матч-реванш с престарелым Стейницем, а Капабланка отказался от аналогичного поединка. Кстати, и Алехин не удосужился дать возможность реванша Капабланке. И уже в наше время было «украдено» право на матч-реванш у экс-чемпиона Ботвинника. Похожая игра в кошки-мышки происходила также между Крамником и Каспаровым – натура человеческая не поддается изменению...

Ласкеру приходилось несколько раз начинать свою жизнь заново. Первая мировая война разрушила имущественное благополучие чемпиона мира. К середине 20-х годов он восстановил более или менее свое материальное положение, но на горизонте возникла нацистская угроза. В 1928 году ему исполнилось 60 лет. Это событие он отметил различными изобретениями. Он сконструировал шахматный автомат, который мог играть одновременно до 20 партий. Ходы передавались при помощи системы зеркал, таким образом, что человек внутри автомата, мог видеть все доски. Модель была собрана им лично, начиная от корпуса и кончая последним винтиком. (*В. Зак «Ласкер», М, 1963, с.141-142*). Как человек проницательный, он еще в 1928 году предвидел опасность коричневой чумы. В то время он издал брошюру под названием «Культура в опасности». В этом же году он понес личную потерю

– смерть брата Бертольда, и он начал думать о новой эмиграции. У него завязалась переписка с известным еврейским ученым профессором Тур-Синаем, проживавшим в Палестине. Еще в предыдущие годы Ласкер познакомился с ним в Германии. Тогда Тур-Синай носил прозаическую фамилию Турчинер. Переписка 1935 года относится к переговорам о предоставлении Ласкеру преподавания математики и философии в Палестине. К сожалению, эта переписка ни к чему не привела. Хотя вдова старшего брата Бертольда Ласкера, прославленная немецкая поэтесса Эльза Ласкер-Шюллер переселилась в подмандатную Палестину. «Ишув» был беден и не мог предоставить работы всем интеллектуалам, бежавшим из зачумленной Европы. Все же на Святой земле нашли убежище – философ Мартин Бубер, писатели Арнольд Цвейг и Лео Перуц – интеллектуальные Альпы прошлого...

Перед Ласкером возник вопрос: где искать спасения от Гитлера? Марта Ласкер в 1936 году высказалась мужественно и решительно: «Какие бы удары и превратности судьбы мне не пришлось испытать, я никогда не чувствовала себя несчастной, и никакому диктатору я не позволю отравить во мне радость жизни. К нам, Ласкеру и мне, пришли старость и недуги, но никому не удастся лишить нас веры в человечество и человечность». (*Цит. по статье И. Романова «Наша публикация», БЦШК, М., 1985, №3, с.4.*) Его возвращение в большие шахматы произошло спустя девять лет после турнира в 1925 году в Москве. На троне уже был Алехин, а Капабланка добавил к себе частицу «экс». Выросли новые таланты – Эйве, Флор, Ботвинник, Решевский. Постарели его «возрастные сыновья»: Видмар, Боголюбов, Тартаковер. Умер Рети. И вскоре скончался Нимцович.

Свое возвращение в шахматы Ласкер начал с гастролей в Венгрию. Там всегда были сильные любители. Однако сеанс в Будапеште окончился с результатом +28, –1, =7; в Солоноке +23, –4, =7; в Кечкемете +24, –3, +1. А консультационную партию с международными мастерами и победителями международных турниров А. Штейнером и Каналем – он легко выиграл в 32 хода.

Первый турнир с очень сильным составом состоялся в Цюрихе в 1934 году. Его результат – пятое место – весьма скромно. Но он создал шедевр в партии с претендентом М. Эйве.

По пути на Московский турнир 1935 года пара «беглецов» посетили Варшаву, где Ласкер и Шпильмана опекал «великий польский шахматный композитор Пшепорка». (*Фрау Ласкер, безусловно, ссылается на мнение своего мужа. – см. публикацию в БЦШК., № 3, 1985, с.5.*)

Его решение переехать в Москву, было подсказано сугубо шахматными причинами. Советский Союз в довоенные годы переживал невиданный размах всенародного интереса к шахматам. (См.: Приложение 16.).

I Московский международный турнир, состоявшийся в Москве в 1925 году, имел громадный успех. Ласкер принимал в нем участие. За год до него экс-чемпион гастролировал по России.

Как бы то ни было, но с 1935 года Ласкер с женой живут в Москве. Там на II Московском международном турнире 67-летний старик берет третий приз, без единого поражения, всего на пол-очка уступив «внукам» – С. Флору (26 лет) и Ботвиннику (24 года) и самое главное – опередив Капабланку, выиграв у того прекрасную партию.

В 1936 году Ласкер принимает советское гражданство. Ему обеспечены престижные условия: в кругу ученых – он сотрудник Института математики Академии Наук; в качестве экс-чемпиона мира он зачислен тренером сборной СССР. Ласкер принял участие в III московском международном турнире и в международном турнире в Ноттингеме, где представлял Советский Союз.

Историк шахмат Б.С. Вайнштейн считает его участие в последних турнирах ошибкой, чрезмерной нагрузкой на утомленного жизнью человека. Это справедливо. Но конец жизни «Мыслителя» сложился не по сценарию, который зависел от него... Понимал ли жизнь в Советском Союзе Ласкер? Разочаровался ли он в ней, подобно Андре Жиду или Панаиту Истрати? Был ли он обведен вокруг пальца как Лион Фейхтвангер? Стал ли апологетом советской власти вроде Анри Барбюса и Романа Роллана? Или сознательно закрывал глаза, предвидя в Советском Союзе единственную силу, способную противостоять наци? Трудно ответить на эти вопросы. В Советском Союзе Эмануил Ласкер задумал написать книгу для юношества. Она сохранилась в рукописи и вышла на русском языке в Москве в 1973 году под названием «Как Виктор стал шахматным мастером». Книга написана блестяще методически, но жизни советского юноши в ней нет, да и не может быть – это слегка завуалированные собственные воспоминания.

Конечно, Ласкер не был слепым. Даже такой далекий от политики человек, псевдодипломат Капабланка, высмотрел многое. Об одном эпизоде с Капабланкой в Москве 36-го года рассказал Г.Я. Левенфиш. Накануне последнего тура положение было таково, что Ботвинник отставал всего на пол-очка от Капабланки. В последнем туре Левенфиш играл с Ботвинником, в то время как Капа должен был играть против

австрийского гроссмейстера Э. Элисказеса. Утром, до тура прогуливаясь около Кремлевской стены, Левенфиш встретил Капабланку, который, зная нравы советских шахматистов, указал на сложность ситуации и возможную опасность для чемпиона СССР: «Положение Ваше затруднительно... Все поклонники Ботвинника жаждут вашего поражения». Левенфиш стал уверять Капабланку, что ему чужды неспортивные соображения. Капабланка успокоил Левенфиша: «Не беспокойтесь, я Вас выручу и выиграю у Элисказеса». То есть вне зависимости от результата партии Левенфиш – Ботвинник, сохраняя интервал, по крайней мере, в те же пол-очка. И, действительно, Капабланка выиграл у Элисказеса. Этот эпизод показывает, что западные мастера не были слепыми котятками, а Капабланка не мог не поделиться своими наблюдениями с Ласкером. К этому времени их отношения восстановились. Да и все поведение Капабланки в этой необычной ситуации, когда псевдоинтересы государства ставятся выше спортивной этики, говорят о его порядочности... (См. подробнее об этом: Г.Я. Левенфиш *«Избранные партии и воспоминания»*, М., 1967, с.131).

Не мог не заметить Ласкер, несмотря на незнание языка, некий вакуум, образуемый вокруг него. Конечно, Ласкера в Москве боготворили. При его появлении раздавались аплодисменты, он проходил по коридору, образуемому восторженными поклонниками. Но в квартиру Ласкера люди приходили редко, а в 1937 году они стали постепенно исчезать. Не мог не заметить этого пронизательный человек, каким был Ласкер. Его последующий отъезд в США, изображается советскими историками как роковая ошибка или случайность. Дело в том, что у Марты Ласкер от первого брака с Эмилем Коном была дочь Лотта, жившая за океаном. К 70-летию своей жены, на год старше его, они решили провести своих внуков. Знавший жизнь в Сталинской России понимает, что выехать из нее было не так просто. Может, это был прощальный подарок Крыленко, вскоре исчезнувшего в подвалах НКВД? Кто знает? Слух об отъезде Ласкера дошел до Ф.И. Дуз-Хотимирского, который заглянул проститься со старым знакомым. Очень осторожно в опубликованных воспоминаниях Федор Иванович рассказал о виденном. Он все сразу понял, они почти не разговаривали (*разумная предосторожность!*) и, крепко пожав друг другу руки, простились навеки... В октябре 1937 года, оставив свою квартиру в Москве на попечение домработницы, окружным путем через неоккупированные страны Европы, супруги прибыли в Амстердам, где их ждала дочь. Больше в Европу они не возвращались. Советские историки объясняют это бо-

лезню Марты, а затем Эмануила. Но есть другая версия. Ласкер сказал: «Я хочу умереть в своей постели». И слова эти были сказаны после соглашения Молотов-Риббентроп.

В США чета Ласкеров поселилась в Нью-Йорке, и альтмейстер даже принял участие в турнире, где первенствовал Файн. 70-летний старик с 10,5 очками из 16 поделил пятое-шестое места. Хотел Ласкер сыграть свой последний матч со старым противником Ф. Маршаллом. Состоялась лишь одна партия, которую выиграл американец – это была всего вторая победа Маршалла за время их сорокалетнего знакомства. Из остальных – двенадцать выиграл Ласкер, одиннадцать окончились вничью.

11 января 1941 года Ласкер ушел из жизни. Последние слова, которые разобрала Марта, были: «шахматный король».

«Предстала, и старец великий смежил

Орлиные очи в покое;

Почил..., зане совершил

В пределе земном все земное!

.....
Изведен, испытан им весь человек!

И ежели жизнью земною

Творец ограничил летучий наш век,

И нас за могильной доскою,

За миром явлений не ждет ничего, –

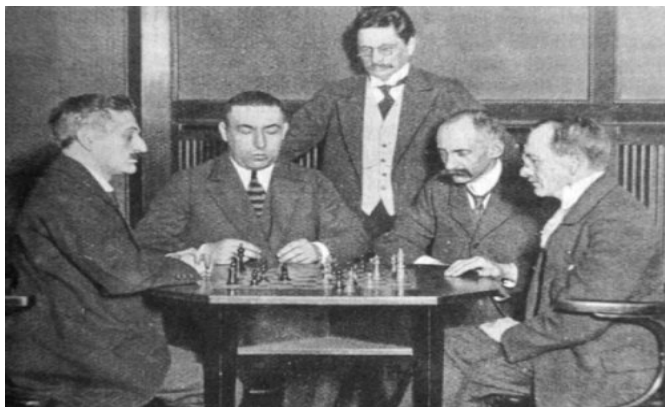
Творца оправдает могила его...»

(Е. Баратынский «На смерть Гете»)

Место, которое занимает Ласкер в шахматной истории, уникально. С наименьшим основанием чем Стейниц, альтмейстер мог утверждать, что он, «сама шахматная история». Ибо являлся связующим звеном между прошлым, настоящим и даже будущим.

И, действительно, на протяжении почти пятидесятилетней карьеры он встречался за шахматной доской с такими противниками, как, скажем, Генри Эдуард Берд (1830–1908), который начинал шахматную карьеру в шестнадцатилетнем возрасте в Лондонском кафе «Симпсонс диван» и играл в первом международном турнире в 1851 года вместе с Г. Стаунтоном и А. Андерсеном и который лично встречался и играл матч с Полом Морфи, как Михаил Моисеевич Ботвинник, учитель ныне здравствующих чемпионов мира А. Карпова и Г. Каспарова! Поражает не только шахматное долголетие Ласкера, но и феноменальные успехи его. Выше мы приводили статистические данные: победитель в девяти турнирах высшей категории, в оставшихся па-

ти – он один раз занял чистое второе место (Москва, 1925 г.), делил второе-третье места тоже один раз (Кембридж-Спрингс, 1904 г.), два раза был третьим (Гастингс, 1895 г. и Москва, 1935 г.), в Цюрихе, 1934 г. он был пятым, в Москве в 1936 г. взял шестое место и в Ноттингеме, 1936 г. – поделил седьмое-восьмое места. Первые места в супертурнирах он занимал 9 раз: Петербург, матч-турнир 1896 г., Нюрнберг 1896 г., Лондон 1899 г., Париж 1900 г., Петербург 1909 г. (наравне с А. Рубинштейном), Петербург 1914, Берлин (матч-турнир) 1918 г., Острава-Моравская 1923 г., Нью-Йорк 1924 г.. Матч-турнир в Берлине я включил в число высших достижений: в турнире, кроме Ласкера, играли Рубинштейн, Шлехтер, Тарраш. Турнир в годы войны организовал Б. Каган.

Турнир в Берлине в 1918 году организованный Б. Каганом.
Слева направо: Эм. Ласкер, А. Рубинштейн, Б. Каган, К. Шлехтер, З. Тарраш.

Для сравнения укажем на Капабланку и Алехина. Капабланка в супер-турнирах играл тринадцать раз – первенствовал только (!?) в шести: в пяти единолично и один раз делил первое-второе место с Ботвинником; Алехин играл пятнадцать раз, единолично лидировал четыре раза, а один – разделил первое-третье места с Боголюбовым и Мароци. Чтобы обогнать Ласкера в турнире – Алехину и Капабланке пришлось ждать его 65-летия, да и то у Капы была осечка в Москве в 1935 году. Еще разительнее матчи на первенство мира: Ласкер сыграл восемь матчей – шесть выиграл, один свел вничью (*со Шлехтером*) и один проиграл (*Капабланке*). Капабланка сыграл всего два матча (*выиграл и проиграл*). Алехин сыграл пять матчей – четыре выиграл и один проиграл. С чемпионами мира прошлого и настоящего Ласкер

сыграл так: против Стейница: +26, -8, =12. Против Капабланки: +2, -6, =16; против Алехина: +3, -1, =4; Эйве +3; против Ботвинника: -1, +0, =3. При этом надо учесть, что кроме Стейница другим чемпионом мира Ласкер давал большую возрастную фору: Капабланка был младше его на 20 лет, Алехин – на 24 года, Эйве – на 33 и Ботвинник – на 43! В последующее время шахматное долголетие демонстрируют Василий Васильевич Смыслов и Виктор Львович Корчной.

Приведем слова младшего современника Ласкера, югославского гроссмейстера Милана Видмара, сказанные о Ласкере в 1961 году: «Ласкер показал невероятные турнирные успехи. За шахматной доской он был страшным противником. С ним никогда нельзя было чувствовать себя уверенным. У его великого соперника, Тарраша, можно было многому научиться, так как, в конце концов, он создал целую систему разыгрывания миттельшпиля. У Ласкера же никогда нельзя было чему-нибудь выучиться. Причина проста: нельзя изучать внезапные идеи и научиться им. А игра Ласкера была настолько полна внезапных идей и головоломных осложнений, явно базирующихся на собственной шахматной мощи, что и по сей день, вряд ли кто-нибудь превзошел его «большие» партии... Ласкер был подлинным шахматным художником со всеми достоинствами, и, быть может, недостатками, присущими настоящему художнику. **По моему мнению, он был величайшим шахматистом из всех, когда-либо живших на земле.**»

Значение Эм. Ласкера, как великого шахматиста, не исчерпывается лишь феноменальными успехами. Он мог считаться, наряду с З. Таррашем, великим учителем нескольких шахматных поколений. И действительно, взглянем на его шахматное литературное творчество. Так в Лондоне в 1892 году у него вышло первое издание «Здравого смысла в шахматах». Он издавал неоднократно журналы. В Лондоне – «Chess Fortnightly» («Шахматный двухнедельник», 1892 г.); «Chess Magazin» («Шахматный журнал», Нью-Йорк, 1907 г.) и «Schachwart» («Шахматный страж», Берлин, с 1913 года). Издал несколько учебных книг, многократно переизданных и переведенных на другие языки, а также небольшую брошюру «Мой матч с Капабланкой», также переведенный на многие языки, в том числе и, на русский язык в 1925 году. Если к этому добавить его многочисленные статьи, разбросанные по газетам и журналам, то, безусловно, Эм. Ласкер был действительно «Учителем» с большой буквы.

Ласкер отличался в высшей степени высокой порядочностью. Он никогда не позволял ни одного неспортивного жеста. Г.Я. Левенфиш

с восхищением рассказывает о своей партии с великим шахматистом. Ласкер предложил ничью, считая позицию равной. Левенфиш отказался от ничьей и продолжал партию. Все же она окончилась в мировую. После партии Ласкер извинился за свое предложение, сказав, что оно было недостаточно обосновано, так как у противника были шансы на победу, которые он не учел. Левенфиш резюмирует: «Шахматы – благороднейшая из игр, и противники должны по-рыцарски относиться друг к другу». Но, увы, сетует Левенфиш, не все придерживаются этой точки зрения. Что бы сказали Ласкер и Левенфиш о нашем прискорбном времени?

Равно интересен и эпизод с предложением ничьей Ботвинником Ласкеру при условии, что экс-чемпион мира сделает такой-то ход. Ласкер записал другой ход, и таким образом была нарушена тайна записи. В такой форме позднее ничью не предлагают, опираясь на этот прецедент. Сам Ботвинник попал в аналогичную турнирную ситуацию, когда в Амстердаме Алехин предложил сдать партию, если Ботвинник записал, по его, алехинскому мнению, единственный, выигрывающий ход. Ботвинник записал другой ход, что нарушало тайну записи, но, к счастью, на конечном результате это не отразилось. К сожалению, это не стало эталоном для некоторых шахматистов...

Как личность, Ласкер резко выделялся среди всех чемпионов мира. Ласкер не только великий шахматист, но человек достигший успехов и в других областях деятельности: доктор философии, профессор математики, драматург, пьесы которого шли на лучших сценах Германии. Пожалуй, лишь Михаил Моисеевич Ботвинник достиг подобного синтеза.

Ласкер всегда отзывался об Алехине с восхищением. Печальное счастье, что альтмастер не дожил до пресловутой статьи в нацистской газете. Еще более печально, что доктор «Фауст» не дождался победы над гитлеризмом.

Ласкер был корректным человеком, настоящим *Arbiter eligantiae*, и потому его иногда привлекали к весьма деликатному судейству. Об одном факте рассказывает С. Флор. Во время матча Алехин-Эйве 1935 г., организаторы приняли на себя обязанности организовать быт и питание Алехина. К большому удивлению голландцев, после матча, организаторы получили сногшибательный счет. Флор пишет: «Что такое полное гостеприимство? Пить и есть. Пить можно простую воду, минеральную и ... что-нибудь подороже. Голландцы были неприятно удивлены, получив крупный счет за напитки и икру. «Хозяева считали, что они не обязаны оплачивать счет Алехина. Обратились к ар-

битражу находившегося в Нидерландах Ласкера. После недолгого раздумья альтмейстер принял сторону Александра Александровича, объяснив организаторам, что русский человек привык выпивать и закусывать икрой. Счет отеля «Шаратон» был безапелляционно оплачен. (*С. Флор «Сквозь призму полувека», М., 1986, с.22).*

Врожденное чувство справедливости, свойственное натуре Ласкера, иногда проявлялась в таких деликатных вопросах, как денежные. Если Ласкер требовал сверхгонорар, то не за счет других участников, а именно и для них – он «работал» и для средних мастеров, считая, что общество должно обеспечить жизнь маэстро и в первую очередь его старость. Именно ему принадлежит призыв к публике собрать средства для больного и нуждающегося Стейница. Справедливость Ласкера зафиксировал советский мастер Илья Абрамович Кан: «Четырежды он оказал мне честь, избрав меня своим «напарником» при проведении так называемых альтернативных сеансов, в которых два сеансера делают ходы по очереди, двигаясь друг за другом с интервалом в половину досок. Один из таких сеансов, проведенный в Пятигорске, позволил мне познакомиться с характерным для Ласкера товарищеским отношением к своим шахматным соратникам. По окончании сеанса в Пятигорске наступил прозаический момент, когда организаторы вручили гонорар за выступление... Ласкеру не понравилось, что полученная им сумма превышает мой гонорар (*обстоятельство, заранее обсужденное организаторами со мной*). «Мы работали вместе и должны быть вознаграждены одинаково», – сказал он. Далее он решительно протянул мне деньги и добавил, что когда-то так же завершались его совместные выступления с Мароци и Мизесом. После моего категорического отказа принять деньги Ласкер был явно огорчен». (*И. Кан, «Шахматные встречи», М., 1962, с.16-17.*) К месту будет сказать несколько слов о демократичности Ласкера. Он никогда не гнушался давать сеансы одновременной игры в рабочей среде – вряд ли ради барыша. Так в одной заметке я прочитал, что экс-чемпион давал сеанс одновременной игры в руднике Ильзе. Сеансу предшествовала лекция и разбор партий на демонстрационной доске. Благодарные слушатели в свою очередь продемонстрировали процесс изготовления отопительных брикетов из угольной пыли. На лекции присутствовало несколько сот зрителей! Результат сеанса вправду не имел значения: из 25 партий – гроссмейстер выиграл 23, одну свел вничью и одну проиграл. Я привожу счет, для того чтобы добавить – Ласкер был медлительным и добросовестным сеансером. Время сеанса 5 часов 50 минут! (*см. «Шахматы и шашки в рабочем клубе» «64», М., 1925, №2, с.5.*)

26 ноября 1932 года в Ковно, тогда столицу Литвы, с гастролями прибыл Эм. Ласкер. «Несмотря на свои 64 года, Ласкер выглядел хорошо. Великий шахматист оказался скромным, даже слишком скромным, обаятельным, большой культуры человеком. Когда на устроенном в его честь ужине он услышал восторженные слова о нем, то спокойно и с достоинством ответил: «Я не великий Алехин, я только простой Ласкер!» Чувствовалось, что в эти минуты Ласкер вернулся в свое шахматное прошлое.

На следующий день состоялось его выступление. Ласкер не обошел вниманием ни одного корифея, особо остановился на Стейнице, но о себе не обмолвился ни словом. А ведь после Стейница началась его эра, его 27-летнее царствование на престоле. В заключение своего выступления Ласкер лестно отозвался о новом чемпионе мира Александре Алехине». *(Владас Микенас. Сборник партий и воспоминания Составил В.Я. Дворкович, М.1988, с.36-37)*

Мне кажется, что в словах Ласкера в адрес Алехина была завуалирована тонкая ирония, на что обратил внимание Микенас, но оставил это место без комментариев. Еще через день в Ковно состоялся сеанс одновременной игры экс-чемпиона мира против 22 сильнейших шахматистов Литвы, включая всю Олимпийскую сборную в составе: В. Микенас, А. Махтас, И. Вистанецкис, П. Вайтонис, Штейнберг, Абрамовичус, Колоднас, М. Луцкис, Гордон. Первые четверо уже к этому времени были известными шахматистами, игравшими в силу мастера. А. Махтас сыграл короткий матч с Р. Шпильманом вничью, а Владас Микенас еще в 1931 году на Олимпиаде одержал победы над М. Видмаром и Ф. Ейтсом, а также сделал ничьи с И. Кэжденом и чемпионом мира А. Алехиным! Впоследствии он одержал красивую победу и над Алехиным. **Так вот: ни один член сборной не мог выиграть у альтмейстера!** Сеанс начался в восемь часов вечера и был приостановлен в три часа утра. Семь часов тяжелейшей работы для пожилого человека. К этому времени старик выиграл одну партию, одну проиграл и двенадцать окончилось вничью. Остальные восемь были присуждены: Соломоново решение – они были признаны окончившимися вничью. Я не знаю, как сыграл Микенас, но Исаак Ильич Вистанецкис добился ничьей.

В далекой Москве, в 1896-97 годах происходил матч-реванш между Стейницей и Ласкером. Стейниц был стар и болен. Ему было тяжело играть с молодым и полным сил чемпионом. Но и Ласкеру морально было очень тяжело играть против своего старого больного учителя.

Допустимо, что он испытывал чувство неловкости. Свидетельством чего является шестая партия. Стейниц надолго задумывался и просрочил время. Ласкер, однако, отказался от приобретения, таким образом, очка, и партия продолжалась еще с десяток ходов, после которых Стейниц прекратил сопротивление. (См.: *«Эпизод из шахматной истории Матчевани Ласкер – Стейниц на первенство в мире в Москве»*. По материалам Л. Бахмана) – *«Шахматный листок»*, М., № 1, 1929, с.2.).

Наше предположение о «жалости», испытываемой Ласкером к своим партнерам подтверждает тонкое наблюдение Б.С. Вайнштейна, касающееся одной партии матча Ласкера с Яновским. Ласкер всухую выигрывает матч и неожиданно предлагает королевский гамбит, который он вообще не играл – в принципе, это стихия Яновского. Но чуда не произошло – получив выигранную позицию «вечный игрок», как называли Давида Маркеловича, допускает непостижимый просмотр. Вот что пишет Борис Самойлович Вайнштейн: «Мне думается, что Ласкер, испытывая симпатию к Яновскому, хотел дать ему возможность на финише матча выиграть королевский гамбит. Странная гипотеза, но это очень похоже на Ласкера». (Б.С. Вайнштейн *«Мыслитель»*, М., 1981, с.169). К этому я хочу добавить одну догадку, относящуюся к партии Торре – Ласкер из московского турнира 1925 года. Своей догадкой я поделился с Я.И. Нейштадтом, Б.М. Куперманом, И.Р. Масленковским, М.А. Фридманом – шахматистами старшего поколения. Каждый из них мог лишь констатировать невозможность установить истину. Вот если бы Ласкер вел откровенный дневник ...

Суть моего домысла такова. Ласкер в Московском международном турнире 1925 г. проиграл партию Карлосу Торре, попавшись на дивную комбинацию, именуемую мельницей. С этого момента ни один учебник не выходит без диаграммы этой красивой позиции. Дело происходило в 12 туре, где встретились самый молодой участник с самым старым; лидировал Боголюбов с 8,5 очками из 11, за ним – Ласкер с 8 из 10 и Торре с 7,5 из 10. Четвертое заинтересованное лицо – Капабланка имел всего-навсего 5,5 из 10 и был где-то в середине таблицы. Свидетели, отмечали, что «просмотр» Ласкера был вызван получением телеграммы о постановке на сцене Берлинского театра великим Максом Рейнхардтом его драмы в стихах с символическим названием «О человеке идет речь» (Vom Menschen die Geschichte). Ласкер был воодушевлен успехом и ослабил свое внимание. В.Г. Зак не настаивает на этой версии, но считает, что, начиная с этого тура, экс-чемпион проводил свои партии без прежнего напора и допускал даже ошибки в эндшпилях, что вообще ему было не свойственно. Я же думаю, что произошло следующее.

Мексиканский чемпион, тщедушный болезненный юноша был симпатичен Ласкеру. Предполагаю, что доктор предвидел, если уже не разглядел, симптомы будущего психического расстройства. Юноша играл замечательно и боролся с полной отдачей, сделав красивую ничью с самим Капой в предыдущем туре. С Ласкером было другое. Альтмейстер быстро черным цветом переиграл Карлоса и к 21 ходу получил явно выигранную позицию. В этот момент Ласкер заметил волшебную идею задачного характера, именуемую «мельница». Для этого нужна была кооперативная игра, игра на обратный мат. Doctor Favstvs думает: «Сколько юных гениев прошло передо мной, и все они слишком быстро разбивались... Генри Пильсбери, Рудольф Харузек, опять же Рудольф Свидерский, Гириш Ротлеви... Новый Эвфорин имеет фамилию **Торре (Torre)**, что по-испански значит «башня», тура, главная фигура «мельницы». *(По-немецки Turt, по-русски – ладья, но в старину произываемая турой. – С.Д.)* Это не случайность, а перст судьбы. Почему бы не сделать подарок мальчику? Ведь, в конце – концов, **речь идет о человеке!**» И для этого, кооперативно, волшебник и Дон-Кихот делает три ошибки (!?) подряд и жернова заработали, как писал Боголюбов – «наподобие циклона». Зал, по свидетельству современников, взорвался неистовыми аплодисментами. Торре растерянно поднялся со стула... Ласкер обнял за плечи обалдевшего от счастья юношу и вывел его за кулисы... Что же касается своего турнирного положения, Ласкер не беспокоился – на вопрос П.А. Романовского о предполагаемом месте в турнирной таблице, старый человек сказал просто, что он согласен на предпоследнее место, если последним будет Капабланка. Так оно и было: Ласкер был вторым, а Капа третьим... Не таким уж меркантильным человеком он был. Мне кажется, лишь один участник турнира, что-то понял. Ибо к чему в комментарий к партии Торре – Ласкер влетается латинская фраза: «*Eliquando dormitat et bonus Emmanuelus*» *(Иногда дремлет и наш добрый Эмануил! – Почти дословная фраза, сказанная Дюфренем в адрес Блекберна, грубым зевком, проигравшим партию: «Eliquando dormitat et bonus Homerus»)*. Этим прозорливцем, конечно, был Савелий Григорьевич Тартаковер. *(См.: «Шахматы и шашки в рабочем клубе». «64», 1925, №23, с.9.)*

Свой вариант предлагал Илья Львович Майзелис (1894–1978), известный теоретик, историк, переводчик и литератор в воспоминаниях, впервые опубликованных в журнале «Огонек» (№2, 1961.). Точка зрения Майзелиса опять таки связана с пресловутой телеграммой, но в анализе партии автор заметил, что Ласкера «как бы подменили». Находясь в своей стихии, он допускает ходы, вызывающие недоумение. Арон Нимцо-

вич приводя в своей книге «Моя система» на тему «мельницы» партию Торе – Ласкер, оговаривает, что дает её «скрепя сердце – настолько импонирует мне личность Ласкера». Столь необычна его игра!

Вспомним Алехина, не постеснявшегося назвать «вундеркинда» Решевского бездарностью. А в воспоминаниях П.А. Романовского вырастает обаятельный образ доброго и мудрого учителя – «ребё» Ласкера. Романовский выиграл в сеансе одновременной игры у чемпиона мира. На следующий день Ласкер попросил Осипа Самойловича Бернштейна познакомить его с шестнадцатилетним юношей. И что говорит победителю **Великий педагог?**: «Вы блестяще выиграли у меня партию, это поражение я буду помнить долго». Затем, расспросив Романовского о его шахматном прошлом, он пообещал прокомментировать его партию против Вяхирева. Что было и исполнено. Оценка игры юноши была зафиксирована четкой фразой: «Вся партия проведена черными столь же красиво, сколь и логично». Петр Арсеньевич замечает с высоты прошедших пятидесяти лет, что эта оценка была преувеличением: «Однако я принял похвалу чемпиона мира за чистую монету и гордился ею. Главное же – у меня окрепла вера в самого себя, я почувствовал, что передо мной открываются новые горизонты». Спустя 15 лет, в 1924 году, встретившись с экс-чемпионом мира, Романовский напомнил ему о его комментариях. Ласкер вспомнил: «Конечно! Это была превосходная партия...» – «Все же Вы меня перехвалили... Два-три хода я сделал плохих» – «Без сомнения, – ответил с улыбкой Ласкер. – Только не два-три, а значительно больше, может быть, даже большинство, но разве я имел право это сказать? Моя задача – открывать, а не закрывать дверь перед молодыми шахматистами. Вы считаете, что я был неправ? – смотря мне в глаза, спросил вдруг Ласкер». (П.А. Романовский «Памятные встречи», «Шахматы в СССР», М., 1956, №5, с.157) Ах, Алехин, ах, Александр Александрович: Вам бы каплю такта д-ра Фауста!

Петр Арсеньевич после Московского турнира 1925 года нашел необыкновенные, проникновенные строки в адрес старого человека: «Вторым призером оказался глубокочтимый русскими шахматистами Эм. Ласкер, творчество которого, как всегда, было большей частью глубоко, и по своей глубине восхитительно. Но моментами этот старый, но могучий лев испытывал приливы большой и понятной для всех усталости. И больно было иногда чувствовать печать этой усталости в работе титанической мысли. Ясно было, что эта была усталость ни момента, ни минуты, ни часа, а усталость неумолимого закона времени. И от этого в тех

случаях, когда творчество Ласкера вновь проявляется во всей своей красоте, когда оно вновь представляло из себя подлинные шедевры мысли..., это творчество, эти шедевры производили на всех совершенно исключительное впечатление какого-то неотразимого обаяния». (*П.А. Романовский «Московский листок», № 1 от 10 января 1926г., с.2*) Красиво писали когда-то. Недаром мой шахматный наставник Михаил Бенционович Ноах, хорошо знавший Романовского, говорил, что Петр Арсеньевич был незаурядным поэтом русского Серебряного века!

С этим перекликаются и воспоминания И.А. Кана о старом эксе, где он подчеркивает **человечность** Ласкера. «Ласкер был общительным и остроумным человеком. Он охотно выступал в печати, клубах, шахматных кружках. **Как бы не уступал Ласкеру его собеседник в шахматной квалификации – прославленный гроссмейстер никогда не давал это почувствовать. Скромность и деликатность были замечательными чертами характера Ласкера. Объективность же его в шахматном анализе была поистине удивительной.**» (*И. Кан «Книга о Ласкере» – «Шахматы в СССР», М., 1964, №6, с.23.*) Кану же принадлежит и редкое описание внешности «старого человека»: «Ласкер запомнился мне весьма представительным человеком с крупной головой, покрытой густой седой шевелюрой. Встречающийся иногда в литературе эпитет «маленький» (в смысле роста), по-моему, никак не вяжется с импозантной фигурой экс-чемпиона мира. Движения Ласкера, так же как и его манера шахматного анализа, были неторопливыми. Он любил основательно подумать, и не прочь был защищать худшую или плохую позицию. Однажды автору этих строк, довелось с большим интересом наблюдать, как Капабланка, слегка горячась, доказывал выигрыш белых, а Ласкер упорно возражал: «Да, да, здесь нехорошо, но я хочу еще посмотреть». Возможно, именно неторопливая, вдумчивость Ласкера в разговоре, в анализе привела к тому, что иногда в литературе его неверно изображают таким «мэтром», глубокомысленно изрекающим непреложные истины. На самом же деле Ласкер был живым, остроумным человеком, умевшим вовремя расцветить беседу удачной шуткой, сердечным обращением». (*И.А. Кан «Штрихи к портрету чемпиона» – «Шахматы в СССР», М., 1971, №3, с.18*)

Будет справедливо зафиксировать портрет молодого Ласкера, увиденный глазами мальчика, несколько отличающийся от принятого канона. На восприятие ребенка вне сомнения оказало влияние мнение его отца – Павла Павловича Боброва, редактора и издателя журнала «Шахматное обозрение» и друга дома – М.И. Чигорина: «Налево, про-

тив матери сидит черномазый, презрительный Ласкер, шахматный король, вырвавший корону из рук дряхлеющего Стейница. Пенсне блистает на его горбатом носу; поворачиваясь к нам, он живо оборачивается всей фигурой, и темные глаза обдают зрителя резкой, задорной мыслью, формулятивной силой, сложностью холодных и отважно-цинических сопоставлений. Недаром ведь он такой мастер выигрывать заведомо проигранные партии. Ошарашит партнера неожиданно – дерзким выпадом, испугает и вдруг возьмет и выиграет. Чеши потом в затылке!» Далее – зарисовка Пильсбери, сравниваемого с профилем Кожаного Чулка – думаю, аберрация памяти – кто походил на индейца и имел примесь индейской крови – это Фрэнк Маршалл. О Яновском и о Чигорине: «Игрок гениальной выдумки, юркий Яновский, поляк-парижанин, французы зовут его «Жановски», играет с лохматым сибиряком Левитским... Грузный и ядовитый Чигорин, надменный и страстный художник шахмат...» (С.П. Бобров «Мальчик», М., 1976, с.35-36)

Еще менее традиционны воспоминания великого композитора Сергея Прокофьева. Будучи членом Петербургского собрания, Прокофьев был среди встречающих чемпиона мира на международный турнир. Прибывал он «заграничным» вечерним поездом. Юный музыкант помчался на встречу: еще бы, какая честь! Группа встречающих была полностью мужская и состояла из Е.А. Зноско-Боровского, Б.Е. Малютина, В.А. Чудовского и председателя – младшего графа П.П. Сабурова. После первых приветствий **Чемпион** в сопровождении эскорта двинулся в город: Ласкер впереди, все остальные, соблюдая этикет, чуть позади. «Тут Ласкер, видимо, взволнованный встречей, вдруг стал оглядываться вокруг и, увидя большую двухстворчатую дверь, выводящую на улицу и открытую внутрь, образуя по закуску с каждой стороны, быстро подошел к одному из них и, имея желание отправить свою надобность, произвел это за дверь в угол. Пять бывших лицестов и я, почтительно вытянувшись, стояли сзади, прикрывая **Его Величество** и следя, как струя сквозь дверную щель вырывалась на улицу. Затем Ласкер оправил свой туалет, вопросительно обернулся на нас и шагнул в город. Мы поспешили за ним». (Сергей Прокофьев «Автобиография», М., 1973, с.559.).

Я несколько колебался при публикации этого **натурного** эпизода, но, вспомнив аналогичный эпизод, случившийся с Ботвинником и повергнувший редактора книги Михаила Моисеевича в шок, счел привести этот случай. Кстати Ботвинник, настоял на публикации **некрасиво-сти**. У Сергея Сергеевича была «обида» на Эмануила Ласкера. В моло-

дости он сделал ничью с самим «д-ром Фаустом», чем очень гордился. В сеансах одновременной игры маэстро обычно играет белыми. Вопреки правилам Прокофьев попросил у сеансера право выступки. «Ласкер ответил небрежно, но любезно: «Ach, bitte».(Ах, пожалуйста.). Спустя 24 года (!?) в парижском Cafe de la Regence 18 марта 1933 года, кто-то напомнил Ласкеру об этой ничьей и он «отомстил». Партия была хорошая, и Прокофьев приводит ее в своих воспоминаниях. Правда, на сей раз, сеансер играл белым цветом... Незадолго до смерти Ласкера, после концерта в Нью-Йорке, на котором присутствовала чета изгнанников, к ним подошел Прокофьев и в последний раз пожал руки...

Василий Панов, которого мы неоднократно упоминали, видел чемпиона мира и экса на Московском турнире 1925 года. Его впечатления были следующие: «Когда он (Капабланка) играл партию с Ласкером, мне приходило на ум огромная тропическая бабочка с разноцветными бархатными крыльями, которая, вместо того чтобы порхать от цветка к цветку, схватилась с коренастым, мрачным, отливающим стальной броней жуком». (В.Н. Панов «Сорок лет за шахматной доской», М., 1966, с.19) Мне кажется, что Василий Николаевич перепутал 1914 и 1925 годы. Борьба в 1914 году, может быть, именно этот матч тогда и напоминала. Победил «стальной жук» (как мы помним по Меншикову – «удав»), а «тропическая бабочка» проиграла. Но прошло одиннадцать лет. Была страшная война, а затем борьба в Гаване, где одержала победу эта самая южная бабочка – тропики ее родина. Была игра в Нью-Йорке в 1924 году, где турнир выиграл «жук», но зато «бабочка» нанесла чувствительное поражение сопернику. В Москве Капабланка и Ласкер встречались в первом туре. Настроения играть не было. Ласкер играл черными: он потерял рокировку, но ферзи были разменены: небольшое преимущество белых. Но реализовать его было тяжело и «бабочка» отказалась от борьбы. Это факты, а не фантазии Панова. Но в другом месте той же книги мы можем прочитать и следующее:

«Передо мною был хорошо сохранившийся для своего уже почтенного возраста коренастый брюнет с сильной проседью в волосах и будто вылитым из бронзы, резко очерченным, волевым лицом. Встречался я с Ласкером и позже много раз. Яркая личность экс-чемпиона мира произвела на меня сильное впечатление. Своей устремленностью к одной – единственной цели – мировой шахматной короне, собранностью и, если можно так сказать, духовной экономичностью и практичностью мышления он выделялся среди своих коллег, и, может быть, только Ботвинника я могу поставить теперь наравне с Ласкером. Алехин тоже

был волевым, целеустремленным человеком, но у него были и срывы, и периоды нервного упадка, и слабости. Ласкер же мне всегда напоминал прекрасно сконструированную и тщательно смазанную, холодную и беспощадную шахматную машину, и все его побочные занятия: математикой, философией, драматургией и коммерческими операциями (какая смесь!) – не могли конкурировать с шахматами и даже сколько-нибудь замаскировать безграничное спортивное честолюбие и страстный фанатизм несравненного шахматного бойца. Отмечу кстати, что ни в математике, ни в философии, ни в драматургии, как я выяснил у знатоков, Ласкер не сделал заметного научного или творческого вклада. Насчет торговых сделок – не знаю». (*В.Н. Панов «Сорок лет за шахматной доской», М., 1966, с.16-17*) От всего текста, внешне корректного, несет недоброежелательность. Например, издевка насчет коммерческих операций. Вероятно, речь шла о том, что разоренный войной человек, зарабатывал насущной кусок хлеба обучением игры в карты или пытался издавать шахматный журнал. Заметим, что текст рикошетом бьет по нелюбимому Пановым Ботвиннику. Многогранность таланта, естественно не допускает равноценного развития всех сфер приложения сил. Например, Василий Панов был средним шахматным мастером и неплохим теоретиком, предложившим новую атаку в защите Каро-Канн, и оказавшимся, увы, бесцветным, но плодовитым журналистом. Я поостерегся употребить более сильное слово...

Существует мнение о некорректности Ласкера, вызвавшего на матч в 1893 году Зигберта Тарраша. По крайней мере, так воспринял этот вызов германский чемпион: «Молодой человек должен сперва доказать победами в крупных международных турнирах, что он имеет право играть с таким человеком, как я». На мой взгляд, Тарраш проявил здесь и близорукость, и высокомерие, и, конечно, некорректность. Спустя десятилетия Тарраш писал, что он не жалеет о своем отказе, добавляя к своей характеристике и упрямство в заблуждениях. Я предпочел бы взглянуть на этот случай со стороны. Когда в 1909 году незнакомый миру Капабланка вызвал одного из ближайших претендентов на мировое первенство Маршалла на матч, то последний безропотно принял предложение. Разгром был впечатляющим. Капа решительно шел на завоевание мирового первенства. Я думаю, что если бы (!?) матч Ласкер – Тарраш состоялся в 1893 году результат был бы не менее печальным для германского чемпиона, чем спустя пятнадцать лет. Ни Таррашу, ни кому-нибудь иному в 90-е годы нельзя бы-

ло остановить Эмануила Великого. Нечто подобное было с Михаилом Талем во второй половине 50-х годов – он шел напролом к короне.

К месту приведу одно интервью Ласкера, сделанное в самом начале XX века, когда спор между Таррашем и им еще не был разрешен. С удивлением я прочитал, что знакомство между ними состоялось в самом начале 80-х годов в одном Берлинском шахматном кафе. Обычно собирались шахматисты в «Кайзергоф», или в «Рояль», или в «Чайном зале». Завсегдатаями кафе были начинающие шахматисты – д-р Тарраш, Курт фон-Барделебен, родной брат будущего чемпиона д-р Бертольд Ласкер, Вильгельм Кон, известный танцор Макс Гармонист и другие. Там пробовал свои силы и младший брат Бертольда. Один из создателей известной защиты – Горацио Каро не снисходил до игры с Эмануилом, но Гармонист играл с любимым человеком: настолько он был доступен. Тарраш же сыграл с Эмануилом две партии, давая ему вперед коня. Одна закончилась вничью, вторую Ласкер благополучно проиграл, подставив ладью. Но две сыгранные партии на равных дали другой результат: каждый выиграл и проиграл.

В своем интервью Ласкер пишет о том, что после смерти Андерсена в международных турнирах в Германии побеждали иностранцы – англичане и американцы, что задевало честь объединенной Германии. Дело продолжалось до 1889 года, когда в Бреславле «... впервые выступил в своей непроницаемой броне юный шахматный Зигфрид, уничтоживший врагов своим добрым мечом. Зигфрид этот – д-р Зигберт Тарраш. Его непроницаемой броней была уверенность в победоносном могуществе абсолютно логической последовательности мысли и абсолютно определенной объективности действия. Броня оказалась действительно непроницаемой: он не проиграл ни одной партии» (*«Шахматное обозрение», № 62, 1903, с.297-298, а также «Шахматы в СССР» М., 1991, №7, с.38-41, «В гостях у Эмануила Ласкера». Публикация В. Мурахвери*). Так писал о своем главном противнике Ласкер, сравнив его с любимым героем германского эпоса. Правда, я ощущаю какую-то едва уловимую иронию в этой характеристике, но нацистов в будущем травля шахматного Зигфрида не смущала...

К месту указать, что создание всегерманского шахматного союза, после провозглашения империи в 1871 году, всецело принадлежало редкому энтузиасту Герману Цванцигу, еврею по происхождению. Выше написано об этом. В 1879 году, благодаря «организационному дарованию выдающегося германского шахматного деятеля, был создан Общегерманский шахматный союз». (*Н.И. Греков*). Каждые два

года, вплоть до Мировой войны проводились соревнования, преследовавшие единственную цель: завоевание звания маэстро. Со всего света приезжали сюда молодые таланты, чтобы в побочных турнирах получить заветное звание. Россия не исключение. Поэтому столько русских подданных было интернировано летом 1914 года – все это были шахматисты, приехавшие на очередной конгресс, где их застала начавшаяся война. Стараниями Цванцига был проведен первый чемпионат Германии в Лейпциге в 1879 год, победитель и первый чемпион Германии – еврей Бертольд Энглиш.

Популярность Эмануила Ласкера в России была огромна, еще на заре его чемпионства. В одном из гениальных рассказов Леонида Андреева душевнобольной доктор, от лица которого ведется повествование, говорит: «Между прочим, я решил в те дни две очень интересные шахматные задачи, над которыми трудился давно, но безуспешно. Вы знаете, конечно, что три года назад я участвовал в международном шахматном турнире и занял второе место после Ласкера. Если бы я не был врагом всякой публичности и продолжал бы участвовать в состязаниях, *Ласкеру пришлось бы уступить насиженное место.* (Леонид Андреев «Мысль», авторская дата апрель 1902 г. Курсив Л. Андреева. Мне кажется, что именно здесь лежат корни романа В. Набокова «Защита Лужина»). Затем в 1927, экс-чемпион появляется в поэме Ильи Сельвинского «Пушторг. Роман»:

«...Итак, начнем: Казаров Коринфий,
Внешне – конторщик, внутри – шахматист.
Плывя по течению рабочего дня,
Он ходит по комнате «ходом коня»
И, говоря о сибирской ласке,
Всенепременно обмолвится: «Ласкер».

В этой же поэме имеется неологизм – «Капаласкер».

А спустя еще семь лет в эмигрантской прессе появился остроумный и тонкий рассказ Владимира Азова (*псевдоним В.А. Аюкинази*) «Формула победы», где повествуется анекдотичная история о хитром еврее Соломоне Бисквите, отце двенадцатилетнего вундеркинда, сумевшего выудить у Капабланки 2000 долларов, столкнув его с Ласкером в партии по переписке. Воплощение «Капаласкера»... (См. «Иллюстрированная Россия», Париж, 1934, №179367), с.1-4).

Еще в 1910 году Эм. Ласкер в статье «К психологии шахмат» писал:

«Невозможно пройти без некоторого удивления мимо того факта, что за последние десятилетия шахматы необычайно выиграли в смысле популярности, энтузиазма и глубины. Другие игры исчезают

потому, что стареют: одни лишь шахматы противостоят всяким новшествам и, несмотря на это, сохраняют юношескую свежесть...

Шахматы представляют прекрасный пример того, как нас очаровывает чисто целесообразное, без всякой личной заинтересованности, только в силу своей собственной целесообразности.

Возьмем, например, получивший 1-й приз этюд братьев Платовых. Этот этюд должен чрезвычайно понравиться каждому шахматисту. Почему? Потому, что соблюдена строжайшая экономия средств? Потому ли, что слабые белые фигуры как будто каким-то чудом побеждают подвижные и сильные фигуры черных? Или потому, что белые с крайним напряжением избегают ничьей? Может быть, но, собственно говоря, потому, что банальное обыкновенное побеждается мощью мысли.

Присмотримся к деятельности шахматистов... Они и сами играют, и разыгрывают партии маэстро, анализируют и пишут об этом в книгах и журналах. Обладающие необходимыми специфическими способностями составляют задачи, то есть сочиняют положения, в которых только единственный метод ведет к выигрышу...

Количество лиц, занимающихся всем этим, значительно увеличилось за последние двадцать лет. Постоянные состязания создали классификацию игры шахматистов. Во главе стоят маэстро. Партии маэстро составляют основу теории. Ходы, сила которых доказана в постоянном соревновании маэстро, составляют ее фундамент, их надо просто запомнить. **С постоянством прибоя мозг маэстро добывает тайны лучшего хода.**

Количество возможных способов игры выражается двадцатизначным числом; с точки зрения целесообразности количество это сокращается до каких-нибудь нескольких дюжин. Чего только не говорили и не думали во время процесса этого сокращения шахматные мыслители. К счастью, и тут сказалось действие неумолимого закона подбора, и изо всего осталось лишь здоровое и жизненное. Рассуждения о целесообразности составляют самое ценное и увлекательное в шахматах. Из-за них сотни тысяч игроков отдаются во власть шахмат, хотя сами они об этом смутно догадываются.

Если сравнить современного шахматиста с его предшественниками, то сразу бросается в глаза большая разница. Прежде любили неожиданное, вероятно, представляя себе при этом нападение врасплох на противника. Не было никакого понимания метода, не доставало понятия силы. Стратегия того времени состояла из ловушек и хитростей. Современный же шахматист, стремится к победе мощью мысли.

Ему недостаточно одного успеха – он хочет неизбежности его. Он хочет проникнуть в запутанную, часто с трудом понятную логику всего происходящего на шахматной доске. Вот триумф, которого добивается современный маэстро. Когда он в состязаниях высказывает эту логику, он доставляет наслаждение зрителям во всем мире.

Партия двух маэстро – драма без слов. Действующие лица – шахматные фигуры. Они играют без жестов. Их средства выражения – одни понятия. В этой драме применимы все правила искусства; единство, последовательность и справедливость должны царить, чтобы партия нравилась.

Те не понимают духа времени, кто упрекает нас, современных маэстро в сухости».

Большой комментарий. Жирным шрифтом выделены, на мой взгляд, важнейшие мысли этой необыкновенной статьи. Требование справедливости – главнейшая, генеральная линия идеи чемпиона мира. Мир несовершенен и несправедлив, но шахматная доска – место получения компенсации справедливости. Так мне кажется. Ласкер приводит высший пример эстетики – справедливости: знаменитый этюд братьев Платовых. Отдадим должное Ульянову-Ленину, его эстетическому вкусу, выделившему это произведение, случайно попавшее на глаза. Кажется, есть нечто общее между двумя гениями – шахмат и политики. Возражения принимаю с кротостью... Кстати, вот мнение специалистов – братьев К. и И. Бетинг, судей конкурса, присудивших первый приз этому шедевр: «Из чрезвычайно простого и незаметного начального положения в ряде тонких и неожиданных ходов развивается роскошная главная игра». (В. и М. Платовы. Сборник шахматных этюдов, М–Л, 1928, с.29.)

